

ЭКОНОМИКА: ПРОБЛЕМЫ, ПОДХОДЫ, РЕШЕНИЯ

УДК 304.5+316.3+336.7

АВАТАРЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ: эффективность, ответственность, справедливость

О.Б. Соловьев

Новосибирский государственный
университет экономики и управления

obsib@mail.ru

В статье анализируются базовые категории, определяющие масштабы и принципы управления экономическим развитием общества. Необходимость государственного регулирования обосновывается автором рефлексивностью финансовых рынков и патримониальным режимом современного экономического роста и накопления.

Ключевые слова: финансовый рынок, рефлексивность, ответственность, эффективность, регулирование.

Убеждение современной экономической науки в эффективности частного предпринимательства и распределения ресурсов берет начало в классическом труде А. Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов». Согласно А. Смиту, индивид преследует свои интересы, но благодаря конкуренции, этой «невидимой руке» рыночных отношений, способствует осуществлению общественных целей даже в большей степени, чем когда к этому стремится сознательно. Две теоремы экономики благосостояния определяют условия, при которых конкурентные рынки действительно ведут к экономической эффективности. Первая

утверждает, что без каких-либо перемен в производстве и потреблении не происходит такого перераспределения ресурсов, при котором кто-либо мог улучшить свое положение без одновременного ухудшения другого (эффективность по Парето). При условии изначально правильного распределения ресурсов конкурентная экономика достигает любой из точек на кривой потребительских возможностей – такова вторая теорема экономики благосостояния. В соответствии с основополагающими теоремами экономики благосостояния, если общество не удовлетворено сложившимся конкурентным распределением доходов, необходимо перераспре-

делит исходное богатство, а все остальное сделает децентрализованный рыночный механизм.

Несостоятельность рынка и экономическое управление

Однако не все так просто. Одно только условие, что ресурсы изначально распределены правильно или справедливо, свидетельствует об идеализации ситуации в классической экономической теории. Дальше – больше. Поскольку конкуренция сама по себе обуславливает появление монополий, когда наиболее успешные фирмы делят рынок между собой, не факт, что угроза конкуренции заставит монополистов действовать по-прежнему эффективно. Монополист ленив; в известных случаях для повышения эффективности приходится стимулировать его инновационную активность путем временного предоставления исключительных прав на технические нововведения. Такая возможность использования системы патентования подчеркивалась в начале прошлого века Й. Шумпетером, в конце столетия Р. Нельсоном и С. Винтером в «Эволюционной теории экономических изменений»¹. Кроме того, задачи государственного регулирования предопределены рядом важных обстоятельств, именуемых несостоятельностью рынка, при которых рынок неэффективен. Среди них многочисленные случаи несостоятельности рыночной конкуренции, положительные и отрицательные экстерналии, отсутствие или недостаточное производство общественных товаров, ограничение производства монополистом ради получения более высокой цены, смежность рынков и вза-

имозаменяемость одних товаров другими, недостаточное предложение информации.

В настоящее время несостоятельность рынка оправдывает уничтожающую критику рыночных отношений *laissez-faire* со стороны ряда видных экономистов. Ускоренное развитие информационных технологий подстегнуло процессы глобализации мировой экономики – снятым оказалось большинство ограничений банковской, страховой и инвестиционной деятельности, что способствовало трансграничному перемещению огромных капиталов, в основном трансграничных портфельных инвестиций, и усилило состояние неопределенности рынка в целом. Гигантские спекулятивные обороты рынка финансовых деривативов обуславливают все более существенный разрыв между фиктивным капиталом и реальным сектором экономики, что приводит к раздуванию «мыльных пузырей» цен как на производимые товары и услуги, так и на эмиссионные финансовые инструменты. Как показали Дж. Стиглиц и Г. Сэнфорд, если информация неточна или ее получение и проведение операций сопряжены с высокими издержками, финансовые рынки не могут быть эффективными и становятся полностью арбитражными². Публично раскрываемая информация о ценных бумагах может быть намеренно искажена или утаена управляющими компаниями, информация может быть неверно истолкована рынком, так что ее воздействие на рост или падение стоимости ценных бумаг зачастую непредсказуемо. Более того, полнота информации в принципе не может быть обеспечена в силу не-

¹ См.: Nelson R.R. An Evolutionary Theory of Economic Change / R.R. Nelson, S.G. Winter. – Cambridge Mass.: Harvard University Press, 1982.

² См.: Sanford G. On the Impossibility of Informationally Efficient Markets / G. Sanford, J. Stiglitz // American Economic Review. – 1980. – Vol. 70. – P. 393–408.

возможности учета всех факторов внешней среды, влияющих на положение компании, и особенно факторов политических и неподвластных контролю со стороны частного сектора. Цены на финансовые инструменты на арбитражных рынках существенно отклоняются от равновесных и в чередовании спекулятивных бумов и спадов лопаются как пузыри.

К наиболее сильным и впечатляющим несовершенствам рынка относятся сами неравновесные процессы, поражающие рыночную экономику низкой занятостью населения и высокой инфляцией, в то время как взаимосвязи между отдельными несостоятельностью рынков приобретают системный характер и разрушают экономику изнутри. В состоянии системного кризиса конкурентные рынки утрачивают эффективность, объемы производства сокращаются пропорционально сжатию кредита, финансовые инструменты торгуются с высокой волатильностью, растут кредитные спрэды и спрэды на рынке межбанковских кредитов, инвесторы стараются не рисковать. Так, бурный рост фондового рынка в 2006–2007 гг. сопровождался значительным привлечением ресурсов корпорациями путем размещения облигаций и IPO-акций. В идеальной ситуации экономики благосостояния эти факторы должны были способствовать росту инвестиций и производства. Все, что для этого требовалось, это добрая воля совета директоров предприятий: инвестиции, привлекаемые на фондовом рынке, должны были вкладываться в создание новых мощностей, покрывать износ основных фондов и пополнять производственные запасы. Иными словами, инвестиции должны были найти применение в реальном производстве, но на практике, несмотря на бурный рост IPO и размеще-

ний корпоративных облигаций, средства, получаемые от эмиссии акций и облигаций, не инвестируются в основной капитал и не являются заметным фактором экономического роста. Как полагают А. Абрамов и А. Радыгин, в этом состоит одна из основных диспропорций российского фондового рынка³.

Социальная ответственность и рефлексивность

В качестве причин последнего экономического кризиса называются, как правило, убытки сектора американских ипотечных облигаций *subprime*, чрезмерное использование деривативов, приток дешевых денег из стран с формирующейся рыночной экономикой, неадекватные меры регулирования денежно-кредитных отношений, слабое исполнение надзорных функций, непоследовательная финансовая политика⁴. Считается, что кризис был импортирован в Россию после того, как проблемы ипотечных агентств *Fannie Mae* и *Freddie Mac* обернулись списанием американскими банками многомиллиардных убытков и банкротством крупнейших инвестиционных банков Уолл-стрит *Bear Stearns* в марте 2008 г., *Lehman Brothers* и *Merrill Lynch* в сентябре того же года. Однако, обозначив в качестве причины общего бедственного положения американской финансовой системы в 2007–2008 гг., а российской – в 2008–2009 гг. кризис на рынке американских субстандартных ипотечных кредитов, как правило, не идут дальше и не уделяют

³ Абрамов А. Финансовый рынок России в условиях государственного капитализма / А. Абрамов, А. Радыгин // Вопросы экономики. – 2007. – № 6. – С. 41.

⁴ См., напр.: Суэтин А. О причинах современного финансового кризиса / А. Суэтин // Вопросы экономики. – 2009. – № 1. – С. 40.

достаточного внимания анализу экономической теории, благодаря которой и произошла эта либерализация. Как следствие, меры, предлагаемые, чтобы минимизировать риск повторения, если не идентичных, то подобных ему событий, половинчаты и вряд ли могут способствовать хеджированию корпоративных инвестиций на финансовом рынке, не говоря о том, чтобы содействовать росту реального сектора экономики и устойчивости финансовой системы в целом.

Социальная ответственность власти и бизнеса в последние годы стала предметом многочисленных философских и научных исследований и обсуждений. Реже возникает осознание социальной ответственности экономической науки и архитекторов финансовой системы. Крупнейший специалист по математической экономике и проблемам взаимодействия экономических агентов А. Кирман, а также Д. Коландер, Г. Фельмер считают, что специалисты по финансовой экономике, разработавшие теоретические модели, на которых основывается монетаристское экономическое управление, осознавали серьезные и нереалистичные ограничения, введенные в их модели с целью обеспечения стабильности конструируемой экономической системы. Тем не менее они не сочли нужным предупредить общественность о недолговечности своих моделей, даже когда видели, что частные лица и компании выстраивали долгосрочные финансовые отношения, исходя из их разработок. Мотивом такого поведения ученых могло быть непонимание: исследователи не знали, что их модели неустойчивы. Однако такое объяснение представляется А. Кирману и его коллегам маловероятным, поскольку финансовые инженеры достаточно компетентные люди, и

едва ли светлые головы не признавали всю ограниченность своих моделей⁵. Наиболее вероятное объяснение состоит в том, что финансисты не считали нужным предупредить общественность о недостатках своих теоретических достижений.

Вряд ли вызывает сомнение, что экономисты, как и все ученые, несут этическую ответственность за то, чтобы информировать общество о возможностях применения своих разработок, об их пределах. По всей видимости, ученым-экономистам, чьи модели используются в реальной экономической политике, следует выработать некоторый этический кодекс, осознать свою ответственность за предлагаемые управленческие решения. Это осознание дается непросто. Дело в том, что сама классическая экономическая теория в ее неоклассических и неолиберальных вариантах не желает считаться с тем влиянием, какое применение научной теории оказывает на систему хозяйственной деятельности. Последователи М. Фридмана исходят из того, что экономика в целом и финансовые рынки в частности сами по себе стремятся к равновесию, а отклонения от равновесия вызваны исключительно внешними потрясениями. Достаточно одних только монетарных мер воздействия на эту саму себя уравновешивающую систему, чтобы добиться устойчивого экономического роста. Однако нынешний финансовый кризис не был вызван каким-либо внутренним фактором, как, например, политикой нефтяного картеля ОПЕК был порожден кризис начала 1970-х. Мировой финансовый кризис и экономическая депрессия явились результатом работы самой финансовой системы,

⁵ Кирман А. Финансовый кризис и провалы современной экономической науки / А. Кирман, Д. Коландер, Г. Фельмер и др. // Вопросы экономики. – 2010. – № 6. – С. 13.

реализующей принципы свободного рынка и государственного невмешательства в хозяйственную деятельность предприятий и финансовых организаций. Тем самым финансовые рынки достаточно ясно показали нестабильность, свойственную им в силу самой их природы, в силу возникновения неравновесных и нелинейных ситуаций в условиях следования одним и тем же механизмам принятия решений большинством участников рынка.

К началу нового столетия финансовый капитал утратил обеспечение товарным производством; суммарная прибыль и дивиденды в попытке восполнить растущий разрыв между мировым производством товаров и эмиссией финансовых инструментов беспрецедентно увеличили объемы финансовых потоков, циркулирующих между валютными биржами. Увеличение было обусловлено тем, что национальные и транснациональные компании, работающие на рынках товаров и услуг в разных странах, имеют дело с различными валютами и обменными курсами. В целях страхования от колебаний валютных курсов они заранее скупают валюты, в которых производятся расчеты. Так возникают фьючерсные, форвардные и опционные контракты, а также сделки своп, что, в свою очередь, подстегивает биржевых брокеров к спекуляции на подъеме и спаде валютных курсов. Поскольку объем субстандартных кредитов нельзя определить точно, оценка общей суммы платежных средств, связанных с кредитами, весьма расплывчата. Гигантский пузырь финансового рынка к началу 2008 г. подорвал взаимное доверие кредитных институтов, что не могло не сказаться на реальном секторе экономики. Отсутствие соразмерных финансовым потокам и достаточных для стабильного роста инвестиций

в основные фонды, а также растущая безработица стали реальной угрозой индивидуальному потреблению, которое начинает сокращаться, как только постиндустриальные общества проигрывают в конкуренции с высокотехнологичными индустриальными обществами.

Сказанное означает, что основные трудности современной экономической науки связаны с рефлексивностью – действием механизма двусторонней обратной связи между мышлением и реальностью, связаны с тем, что экономическая наука не желает учитывать и не учитывает действие этого механизма. Неудивительна полная «слепота» сторонников монетаризма в вопросах социальной ответственности за политику «выдувания» пузырей. В то же время обобщения, которые могут быть сделаны о рефлексивных событиях, не могут быть использованы для ясных предсказаний и объяснений, а именно: научные обобщения, представленные, в том числе, и в моделях экономического развития и управления, могут быть действительными бесконечно долго, но они не могут быть использованы для объяснения и предсказания событий на финансовых рынках детерминистически. Экономическая же теория может развиваться в том и только в том случае, если будет предлагать и эмпирически проверять новые и все более эффективные модели хозяйственной деятельности. Рефлексивный процесс никогда не закончится, если мы не сможем остановить его сознательно, задав наиболее оптимальную модель экономического управления. Так или иначе, экономическая теория должна предложить модель, которая, хотя и может быть очень далека от чувственного восприятия, как гелиоцентрическая картина Коперника от кажущегося геоцентрического устройства

мира, тем не менее, позволит раскрыть механизмы социальных явлений и установить закономерности ближайшего экономического развития.

До последнего времени развитие математических методов, разработанных для оценки и страхования рисков, внушало банкам и хеджевым фондам мысль об уменьшении системных рисков, в том числе при использовании финансового рычага. Оценка моделей происходила на основании данных, полученных в периоды низкой волатильности, поэтому целесообразность применения этих моделей ныне, после резких перемен, сомнительна⁶. А. Кирман и его коллеги сходятся во мнении, что подобные изменения естественны для экономики и игнорировать их нельзя. Возможность системного риска в этих моделях учитывается, но с участников нерегулируемых финансовых рынков снимается ответственность за такой риск. В этом плане моральный ущерб, который может быть причинен системным риском, заранее встроен в систему как ее необходимый атрибут⁷. Таким образом, не принимая во внимание системные риски, которые присущи рынку в целом, участники рынка игнорируют влияние собственного поведения на стабильность финансовой системы. Именно эту особенность сложных систем, таких как финансовые рынки, национальные экономики, технологии власти, Дж. Сорос обозначил термином «рефлексивность». Западные экономисты, в свою очередь, отмечают, что академический «моральный ущерб» дополняется на рынках пренебрежительным отношением к системной составляющей эко-

номических процессов со стороны самих участников рынка.

Классические экономические модели, построенные на двойном предположении – о рациональных ожиданиях и репрезентативном агенте – не предполагают, что знание может быть несовершенным, а поведение адаптивным, и потому не могут в полной мере соответствовать эмпирическим данным. Модели рациональных ожиданий часто рассматриваются в макроэкономике как задачи динамического программирования, при этом у моделей динамического программирования есть серьезные ограничения. Предпосылки о репрезентативных агентах и рациональных ожиданиях не допускают неоднородности экономических субъектов и предполагают существование единственной модели экономики. Не кажется ли это странным? Очевидно, что любая модель финансового рынка, претендующая быть основой экономического управления, не может не быть динамичной. Ее динамичность определяется динамикой самой социальной реальности, определяемой, в том числе, и различными исследовательскими направлениями и рекомендациями по экономической политике. Если эти исследования не сумеют выйти за пределы классической рациональности, «перешагнуть» за представления об односторонней детерминации социальных явлений со стороны некоторых объективных законов, модель экономического управления останется скованной рядом аксиом и гипотез, использующих, говоря словами А. Кирмана и его коллег, «экономическую робинзонаду с рациональными ожиданиями».

Безответственность, с которой экономическая наука не желает переступить за флажки классической парадигмы, порождает модели, в которых даже приблизитель-

⁶ См.: Eichengreen B. *Origins and Responses to the Crisis* / B. Eichengreen. – Berkeley: University of California, 2008. – P. 5.

⁷ См.: Кирман А. Финансовый кризис и провалы современной экономической науки. – С. 14.

но не воспроизводится соответствие статистическим данным. Эти модели следует решительно отбросить – именно в этом, по мнению европейских и американских экономистов, проявляется этическая ответственность ученого, поскольку как теоретические, так и практические аспекты в моделях экономической политики не должны вызывать нареканий:

«Мы полагаем, что исследовательская программа современной экономической науки оказалась в субоптимальном равновесии, при котором не уделяется внимания основным потребностям общества. Стойкие эффекты обратной связи, видимо, привели к доминированию теории, не имеющей прочных методологических оснований, а ее практические результаты, мягко говоря, весьма скромны. Мы полагаем, что неспособность академических экономистов предвидеть актуальные проблемы международной финансовой системы и неадекватность стандартных моделей макроэкономики и финансов пониманию происходящих событий может стать веским аргументом в пользу принципиального изменения направлений исследования и пересмотра основных теоретических принципов современной экономической науки»⁸.

Фактически экономисты предлагают совершить шаг в сторону неклассической научной рациональности и создавать динамические макроэкономические теории, которые соответствовали бы двусторонней обратной связи внутри финансовой системы в частности и экономики в целом – связи между принимаемыми решениями и будущими событиями, между мышлением и реальностью. Становится понятно удивление Дж. Сороса перед лицом неприятия и непонимания его теории радикальной

⁸ Там же. С. 25.

ошибочности и концепции рефлексивности⁹. Это удивление ученого, работающего на иных – неклассических – основаниях рациональности, перед научным сообществом, нежелающим расставаться с классической научной парадигмой. Такой – во многом философский – шаг и предлагают совершить А. Кирман и его коллеги. Это тяжело: разница между классической равновесной моделью экономического управления и динамической макроэкономической моделью неравновесных финансовых рынков столь же велика, как различие между механикой И. Ньютона и принципом неопределенности В. Гейзенберга. Тем не менее у ряда исследователей и специалистов по финансовой математике имеются проекты неклассических динамических макроэкономических моделей, позволяющих описать неравновесную социальную реальность финансовых рынков¹⁰. Предполагается, что амбициозность модели, ее претензии на значимость теоретического результата не могут быть определены иначе как путем качественных статистических исследований в описании эмпирических данных.

⁹ См.: Сорос Дж. Мировой экономический кризис и его значение. Новая парадигма финансовых рынков / Дж. Сорос. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2010. – С. 74–75.

¹⁰ См.: Hendry D.F. *Dynamic Econometrics*. / D.F. Hendry. – Oxford: Oxford University Press, 1995; Hendry D.F. *The Methodology of Empirical Econometric Modelling: Applied Econometrics Through the Looking-Glass* / D.F. Hendry // *Palgrave Handbook of Econometrics*. – Vol. 2. – L.: Palgrave, 2009; Friedman J. *Exploratory Projection Pursuit* / J. Friedman // *Journal of the American Statistical Association*. – 1987. – Vol. 82. – P. 249–266; Hoover K. *Allowing the Data to Speak Freely: The Macroeconomics of the Cointegrated Vector Autoregression* / K. Hoover, S. Johansen., K. Juselius // *American Economic Review*. – 2008. – Vol. 98, № 2. – P. 251–255.

Эффективность и справедливость

Человеческие заблуждения играют огромную роль в мировой истории. В попытке искоренить неравенство при распределении результатов труда практика социалистического строительства руководствовалась идеей справедливости. Вместе с тем всякое уменьшение неравенства ведет к уменьшению эффективности – чтобы быть справедливым, нужно пожертвовать известной долей эффективности. Уравнительное социалистическое распределение сделало производство неэффективным. Попытки уменьшения неравенства при помощи прогрессивного налогообложения пресекали стремление работать больше. Наряду с традицией, идущей от «Трактата о неравенстве» Ж.-Ж. Руссо и видящей в неравенстве основную общественную проблему, которую необходимо решить путем пусть даже революционного изменения действительности, существует другой подход, полагающий неэффективность главной причиной, что мешает оказать помощь бедным. Не надо беспокоиться о том, как разделить пирог, – надо увеличить его размеры, чтобы каждому досталось больше.

Проблема выбора между эффективностью и справедливостью носит самый широкий социальный характер. Максимизация эффективности, как правило, приравнивается к максимизации величины национального дохода. Если правительственная программа сокращает национальный доход, уменьшая стимулы к труду и инвестированию, считается, что программа снижает эффективность. Экономисты, как правило, ищут возможности улучшений по Парето, критерием эффективности которых являются социальные изменения, улучшающие положение одних и не затрагиваю-

щие положения других. Вместе с тем вопрос о желательности изменений, позволяющих богатым богатеть, но не изменяющих положение бедных, скорее философский, чем собственно экономический. В последние десятилетия он получает истолкование в контексте глобальных проблем климатических изменений, истощения природных ресурсов, автоматизации труда и задач постэкономического общественного воспроизводства. Тем больший диапазон раскрывается для оценок социальных трансформаций, происходящих в транзитивных экономиках. Кроме перехода от централизованного планирования к рыночной экономике, эти трансформации связаны также с переходами от тоталитарного политического режима к демократической политической системе и от имперской формы государства к национальной. Их важность стала очевидна, когда, говоря словами А. Илларионова, удалось преодолеть «маленький холмик» экономического реформирования и разглядеть «горные вершины» культурного перехода.

Целесообразность правительственных программ, таким образом, следует оценивать с учетом всего спектра социальных целей: правительственная программа будет способствовать преодолению неравенства в том случае, если перераспределит ресурсы от тех, кто богаче, тем, кто беднее. Общепринятым показателем неравенства, используемым с середины 1970-х, служит индекс бедности, который определяет долю населения с уровнем дохода ниже критического, позволяющего семье покупать основные продукты питания, товары долгосрочного пользования, снимать жилье, платить по счетам. При этом изменения модели экономического управления, фискальной, монетарной и финансовой

политики вызывают комплексные последствия и могут одновременно действовать как факторы «за» и «против» социального неравенства и гражданского благосостояния. Так, при повышении налогов государство может преследовать цели производства неких общественных благ, например – расширение спектра бесплатных образовательных услуг. Наемным работникам придется работать больше, отдыхать и потреблять меньше, что приведет к ухудшению их положения, хотя в то же время они получают возможность его улучшения благодаря повышению образовательного уровня и квалификации. Это в теории. На практике нет никакой гарантии, что потраченные государством деньги на финансирование бесплатных образовательных программ в силу некомпетентности самих чиновников, или более динамичного развития рынка труда, или нецелевого расходования средств приводят к намеченному результату.

В романе «Успех» Лион Фейхтвангер описал серии событий в политике, экономике, искусстве, судопроизводстве, повседневной жизни, сходящиеся к появлению и укреплению позиций «истинных германцев» в Баварии 1920-х гг. Это и безволие Берлинского правительства, и рурский инцидент, и попустительство экстремистскому производству со стороны правоохранительных органов Баварии, и гигантские темпы инфляции, и, конечно же, обнищание и ограниченность потребления масс. Что такое капиталистическая система? Мыслящий предметно герой Л. Фейхтвангера, один из воротил крупного бизнеса послевоенной Германии, представляет ее какой-то огромной шевелящейся массой, живой горой, на которой вырастают все новые кратеры, бороздки, носы и которая, кувыркаясь, несетя по земному шару, хороня под своей тя-

жестью мелкую буржуазию, пролетариат. Дела олигархов при этом процветали как никогда ранее: достаточно было протянуть руку – и она наполнялась золотом, нужно было сохранять самообладание, успевать помещать деньги как следует, наличные превращать в новое имущество, в новые заводы, в новые земельные участки. На эти деньги можно было купить одно из мелких немецких государств, и их все-таки не стало бы меньше.

Непрерывное самодвижение капитализированных денег превращается в форму воспроизводства; живые люди оказываются слепо и бездеятельно прикованными к режиму накопления, будь он фордистским или патримониальным. Что такое капитализм? В столкновении левых идей с правыми это слово – само по себе пустой звук, цифра, за которой не скрывается никакого реального понятия, – облекается плотью и кровью, когда каждый может увидеть, услышать, ощутить на вкус, что такое «капитализм». Л. Фейхтвангер описывает, как в отсутствие каких-либо мер государственного регулирования рыночной экономики набирала силу идея фашизма и абстрактная идея «капитализма» смогла выступить «во всей своей выпуклой конкретности», когда государство, промышленность и сельское хозяйство одним махом освободились от всех своих долгов за счет падения марки на рынке валют.

Ныне в практике постиндустриальных обществ выбор между равенством и эффективностью осуществляется при оценке альтернатив социокультурной динамики, улучшающих положение одной группы населения за счет другой, что связано с постоянным решением вопроса о том, на какое уменьшение благосостояния одной социальной группы власти готовы пойти при

условии, что улучшится благосостояние другой. Чтобы понять влияние того или иного решения на уровень неравенства, последствия его принятия суммируются и описываются с учетом снижения или повышения экономической эффективности в целом. Альтернативные предложения, как правило, представляют собой выбор между эффективностью и распределением, когда для достижения большего равенства надо частично поступиться эффективностью. Общественные приоритеты, обуславливающие, какой частью эффективности допустимо пожертвовать, чтобы получить, по крайней мере, некое сокращение имущественного неравенства, не будучи априорны, складываются исторически. Вместе с тем, будучи установлены, они определяют выбор модели экономического управления, задачи государственного регулирования хозяйственной деятельности, темпы социально-экономического и научно-технического прогресса.

Игра на опережение и финансовый рынок

По замечанию председателя совета директоров *МДМ-Банка* Олега Вьюгина, к началу 2009 г. движение валют потеряло смысл, стало непредсказуемым, зачастую не зависящим от фундаментальных факторов. Произошло это в силу чрезмерного использования кредитного плеча и отрицательных реальных процентных ставок по мировой резервной валюте. ФРС США субсидировала кредитную экспансию, поощряя жизнь домашних хозяйств в кредит, не принимая во внимание финансовые риски, сколь бы велики они ни были. О. Вьюгин четко определяет:

«Что такое жизнь за счет кредитного плеча? Это жизнь за счет «будущего» в

предположении, что потом рост эффективности экономики все окупит. А получилось все наоборот: кредитные ресурсы ничего не стоили, и их неэффективно использовали. Кризис должен был проявиться, и он выстрелил в сегменте *subprime*. Было выдано кредитов на 2 трлн. долл., причем эти средства вообще не должны были выдаваться, так как их возврат был нереален из-за неплатежеспособности заемщиков. Затем начался отказ от накопленного кредитного плеча, который теперь нечем остановить. Как следствие – тот глубокий спад, который переживают все открытые экономики»¹¹.

Жизнь в настоящем выстраивается за счет «будущего» в предположении, что рост эффективности экономики все окупит. Отсюда, идея равенства при распределении утрачивает свое значение в пользу эффективного увеличения «общего пирога». Между тем цены на товары, сырье и нефть в настоящем номинируются в долларах, которые могут менять свой курс вопреки каким-либо макроэкономическим показателям в ожидании будущего роста эффективности производства, что не может не вести к увеличению бедности в странах финансовой периферии, активизации локальных конфликтов и терроризма. По мнению О. Вьюгина, нулевая процентная ставка по доллару не работает и не будет работать, поскольку до сих пор непонятно, как можно запустить процесс выдачи новых кредитов уже за кредитованным домашним хозяйствам и как прости мулировать людей брать кредиты, когда их доходы непредсказуемы или под вопросом. Бывший глава Федеральной службы по финансовым рынкам (ФСФР) призна-

¹¹ Вьюгин О. 2009-й – год глобальной депрессии / О. Вьюгин // Рынок ценных бумаг. – 2009. – № 1.

ет, что властям не удастся играть не опережение. Для преодоления кризиса такой глубины политической власти необходимо предпринять действия, чтобы обеспечить функционирование инфраструктурных отраслей экономики – транспорта, связи, энергоснабжения, коммунального хозяйства, проведения платежных операций банками. Меры экономической поддержки предприятий должны способствовать сохранению рабочих мест в условиях сокращающегося спроса и роста долговой нагрузки; стимулирование внутреннего спроса следует осуществлять за счет финансирования инфраструктурных проектов общегосударственного масштаба.

Преодоление последствий финансового кризиса и меры по предупреждению второй его волны требуют принятия мер по регулированию финансового рынка как на национальном, так и на международном уровне. Предоставление фондовым или валютным брокером финансового плеча своему клиенту не должно выходить из разумных пределов. О. Вьюгин отмечает, что в цивилизованных странах плечо вообще можно использовать только в паритете, 1:1. ФСФР не справилась со своей функцией, когда не смогла проследить за тем, как многие компании предоставляли слишком большие плечи. По его мнению, в условиях глобальной экономики следует проводить очень консервативную политику по резервной валюте, при которой деньги должны стоить достаточно дорого, даже если это сдерживает экономический рост. Исторически сложилось так, что ФРС США решает прежде всего национальные проблемы, а стабильность мировой финансовой системы отходит на второй план. Эмиссия резервной валюты, предлагает О. Вьюгин, сколь бы фантастически это не звучало, должна

стать прерогативой международного органа, преследующего цель мировой финансовой стабильности. Политика этого регулятора была бы в чем-то аналогична политике ЕЦБ, проводимой ныне в рамках ЕС и опирающейся таким образом на всю европейскую экономику.

Предложения других российских аналитиков выглядят еще более фантастичными. Так, по словам начальника аналитического отдела ФЦ «Инфин» Александра Иванищева, чтобы гарантированно избежать рецидивов глобального финансового кризиса, вместе с контролем над финансовыми потоками, ограничением спекулятивных финансовых операций, переориентацией инвестиционных ресурсов на реальный сектор экономики страны G20 должны вернуться к эпохе золотовалютного стандарта и ввести новую мировую валюту, обеспеченную золотом. Реформа мировой финансовой системы обусловлена нарастанием суммы долгов, расширением воронки кризиса, которая последовательно вовлекает в свою орбиту недвижимость, банки, реальный сектор, сферу потребления, частные инвестиции, государственные финансы. Деньги по-прежнему не доходят до реального сектора, поскольку инвесторы предпочитают финансовые спекуляции товарному производству. Часть стран по-прежнему живет в долг, не по средствам, потребляя больше, чем производя. Российский эксперт отсылает к заявлению французского политолога и экономиста, одного из теоретиков глобализации и «нового мирового порядка» Жака Аттали, в соответствии с которым кризис еще и не наступал. По мнению А. Иванищева, то, что мы видели до сих пор – всего лишь постановка проблем, которые предстоит решать в будущем.

Действительно, соревнуясь в спекуляциях на мировом финансовом рынке, национальные экономики участвуют в гонках по краю пропасти, вдоль которой прокладываются пути денежно-кредитной политики монетаризма. Бифуркации политической жизни и хозяйственного развития могут увлечь участников на самое дно. Лопнувшие пузыри на финансовых и товарных рынках обществ контроля могут произвести эффект пробитых покрышек в экономических машинах дисциплинарных стран. В силу глобализации мировой торговли, рынков денег и капитала вторая, намного более сокрушительная волна кризиса может окончательно погрести под собой своего рода социализм для богатых – патримониальный режим экономического роста и накопления развитых стран. Эпоха социализма для бедных завершилась в 1991 г. Крах мировых рынков капиталов, вероятно, станет концом эпохи социализма для богатых. Какие представления одержат тогда верх над идеями равенства, эффективности, благосостояния? Возможно ли избежать катастрофы?

Так же как отдельные лица извлекают полезность из потребляемых ими товаров, так и общество в целом достигает своего благосостояния, исходя из полезности, получаемой его членами. В экономической теории функция общественного благосостояния создает основу для любого распределения ресурсов, в том числе и отличного от распределения по принципу Парето. Настоящая проблема состоит в том, какова должна быть функция общественного благосостояния, что выберут нации и народы: увеличение полезности для некоего лица, компенсирующее уменьшение полезности для другого и равное сумме полезностей всех членов общества,

либо увеличение полезности, равное полезности наиболее бедного члена общества. Сторонник первого решения, утилитарист, согласится с уменьшением полезности бедных при условии, что при этом происходит гораздо большее увеличение полезности богатых, то есть суммарный итог благосостояния членов общества возрастает. Сторонник же второго решения, ролсианец, совсем не заинтересован в уравнивании предельных полезностей, но лишь в максимизации благосостояния беднейших слоев населения.

Так, по утилитаристской теории увеличение полезности для всех членов общества оценивается одинаково при условии передачи ресурсов от одного другому без потерь: если полезность, которую бедный извлекает из дополнительного дохода, превышает потерю в полезности для богатого при потере этого дохода, тогда общественное благосостояние, как сумма этих полезностей, возрастает. Если передача средств от богатого бедному сопровождается значительными издержками, общество утилитаристски воздерживается от нее. В соответствии же с ролсианской функцией общественного благосостояния, передачу средств от богатого к бедному следует продолжать до тех пор, пока удастся улучшить положение бедного, не обращая никакого внимания на издержки, связанные с самими актами передачи. Оправдывает ли последний подход социальную революцию? Крайний сторонник равноправия готов забирать средства у богатых до тех пор, пока богатые не сравняются с бедными, независимо от того, прибавляются ли в результате этих передач средства у бедных или же средства разбазариваются в перипетиях перераспределения и общественных беспорядков.

Крайний утилитаристский подход также чреват тяжелыми социальными последствиями. В дисциплинарных обществах дальнейшее имущественное расслоение есть прямой путь к тому, что в контексте событий начала 2011 г. в странах Северной Африки и Среднего Востока получило название «второго арабского пробуждения». Самосожжение тунисского уличного торговца 26-летнего выпускника университета Мохаммеда Буазизи распространило огонь народных восстаний по всему арабскому миру: Тунис, Египет, Йемен, Бахрейн, Ливия, Сирия, Оман вовлечены в волну протестов, а некоторые и революционных социальных изменений. Самосожжение явилось той самой точкой бифуркации, к которой страны арабского мира были подведены серией сходящихся событий, прежде всего, в экономической и политической жизни – резким социальным неравенством, ростом цен на продукты питания, молодежной безработицей, бесправным режимом, коррупцией. Не последнюю роль сыграли факторы глобализации, связанные с воздействием информации об уровне и образе жизни сопредельных стран на самосознание неудовлетворенной своим имущественным и правовым положением беднейшей части арабского мира.

Одним из важных достижений современной экономической мысли является вывод о том, что эффективное государственное управление само по себе есть общественный товар. Общество только выигрывает, если получает наиболее эффективное и отвечающее его потребностям государственное регулирование и координирование экономической деятельности. Институциональные перемены, обеспечивающие защиту прав собственности, напрямую свя-

заны с уровнем инвестиций в ВВП, что подтверждается рядом эмпирических исследований. Известно, что в странах с более надежной защитой прав собственности спустя несколько лет начинается ускоренное развитие инвестиционных процессов, тогда как отсутствие рыночных институциональных преобразований и нежелание их совершать в обществах дисциплины ухудшает и без того нездоровый инвестиционный климат, замедляет положительную динамику инвестиций, препятствует финансированию основных производственных средств. Современная мировая финансовая система – продукт параллельно развивающихся серий событий на финансовых рынках и в сфере экономического управления развитых стран, результат действия сил рыночной экономики и целенаправленного государственного регулирования. Несомненно, что, во многом благодаря постоянному совершенствованию государственного регулирования, в постиндустриальных обществах и, прежде всего, в США сформировалась мощная финансовая сфера, которая ныне превратилась в одну из фундаментальных основ мировой экономики и обуславливает действенность мер по преодолению кризисов разных масштабов и глубины.

Литература

Абрамов А. Финансовый рынок России в условиях государственного капитализма / А. Абрамов, А. Радыгин // Вопросы экономики. – 2007. – № 6. – С. 28–44.

Вьюгин О. 2009-й – год глобальной депрессии / О. Вьюгин // Рынок ценных бумаг. – 2009. – № 1. www.ippnou.ru/article.php?idarticle=005512.

Кирман А. Финансовый кризис и провалы современной экономической науки / А. Кир-

ман, Д. Коландер, Г. Фельмер и др. // Вопросы экономики. – 2010. – № 6. – С. 10–25.

Сорос Дж. Мировой экономический кризис и его значение. Новая парадигма финансовых рынков / Дж. Сорос. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2010.

Суэтин А. О причинах современного финансового кризиса / А. Суэтин // Вопросы экономики. – 2009. – № 1. – С. 40–51.

Eichengreen B. Origins and Responses to the Crisis / B. Eichengreen. – Berkeley: University of California, 2008.

Friedman J. Exploratory Projection Pursuit / J. Friedman // Journal of the American Statistical Association. – 1987. – Vol. 82. – P. 249–266.

Hendry D.F. Dynamic Econometrics. / D.F. Hendry. – Oxford: Oxford University Press, 1995.

Hendry D.F. The Methodology of Empirical Econometric Modelling: Applied Econometrics Through the Looking-Glass / D. F. Hendry // Palgrave Handbook of Econometrics. – Vol. 2. – L.: Palgrave, 2009.

Hoover K. Allowing the Data to Speak Freely: The Macroeconomics of the Cointegrated Vector Autoregression / K. Hoover, S. Johansen., K. Juselius // American Economic Review. – 2008. – Vol. 98, № 2. – P. 251–255.

Nelson R.R. An Evolutionary Theory of Economic Change / R.R. Nelson, S.G. Winter. – Cambridge Mass.: Harvard University Press, 1982.

Sanford G. On the Impossibility of Informationally Efficient Markets / G. Sanford, J. Stiglitz // American Economic Review. – 1980. – Vol. 70. – P. 393–408.